

О.Н. Полухин, к. филос. наук, доцент,
заместитель Главы администрации
Белгородской области

САМООРГАНИЗУЮЩАЯСЯ ПАРАДОКСАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ

Как известно, логика учитывает противоречие, возникающее в результате внешне логичного, верного рассуждения; оно приводит к взаимно противоречивым заключениям. До сих пор идут споры о том, что мы строили в Советском Союзе: вроде старались построить социализм, а на деле получили к концу XX века капитализм. Вроде задумали занять в стране нормальный капитализм, сходный с классическим, а получилось нечто другое – первоначальное грабительское накопление капитала в руках весьма немногочисленной плутократии-олигархии. Отлучилось то, что почти всегда случается в истории: цели одни, а результаты другие, неожиданные. Закон неизбежных искажений неумолим, отсюда и парадоксальное суждение: «хотели как лучше, а получилось как всегда». В политической философии В. Н. Чичерина это объяснялось так: «История есть в значительной степени повествование об ошибках правителей». Л. А. Тихомирову, автору книги «Монархическая государственность» (СПб., 1904) казалось, что история есть в значительной степени повествование о вообще крайне малой человеческой сознательности в деле устройства своего политического строя.

Словно желая подтвердить это суждение своего врага, большевизм, захватив власть и осуществив разумную политику НЭПа, проявил крайне малую сознательность в деле устройства политического строя: с корнем ликвидировал оппозицию и всех своих политических оппонентов. Грубейшей ошибкой большевистской диктатуры была практика воинствующего материализма и атеизма. Вместо поддержки исключительно ценных для России форм активности – нравственной и христианской – беспримерные репрессии. И только Великая Отечественная война принудила Верховного правителя обратиться к нравственно-христианскому измерению отечественной истории, которая неразрывно связана с жизнью Церкви, столетия бывшей и поныне остающейся мистической скрепой национального духа и бытия. До глубин бытия парадоксально «советское время»: оно не может сводиться только к порокам, ибо тогда была приведена в действие колоссальная энергия созидания. Поучителен или нет этот опыт? Мой ответ – положительный.

Изучение советского опыта с позиций исторической правды, серьезно пострадавшей в 90-е годы XX века в погоне за «разоблачениями», поможет

раскрыть «механику» свойственного ему созидательного народного творчества, которое не было востребовано радикальными реформаторами, но которое теперь должно быть востребовано. Если размышлять в духе раздумий философа И. А. Ильина («Возрождение», 1925 год), то предстанет ряд парадоксальных суждений. Пусть коммунизм есть утопия и заблуждение, но разве честные люди впадают в заблуждение не в поисках справедливости? Пусть равенство есть завистливая химера, но разве всякое неравенство справедливо и жизненно полезно? Пусть бремя свободы непосильно для многих людей. Значит ли это, что человеческий дух не нуждается в свободе? Пусть современная демократия искажает здоровую государственность и создает расцвет пошлости, значит ли это, что между властью и народом должно существовать отчуждение и разобщение?

Думаю, что подобно 20-м годам, в наше время уместно обратиться к научному сообществу с подобными вопросами-ответами по И. А. Ильину, ибо носителям идей социальной активности и, следовательно, ее осуществлению, грозит серьезная опасность со стороны бюрократического и криминального капитала. Последнему как раз и не нужна сознательная народная активность. К тому же время не изблещило до конца приверженцев революции или контрреволюции, монархизма или радикализма. Отвергая высокомерные тенденции в адрес нашего народа («не повезло с ним реформаторам», «народ не тот»), мы, философы, призваны изблещать вывихнутое политическое разумение партийцев и предуготовлять пути для нахождения обновленной политической философии. Одним из путей, по моему мнению, является концепция гражданской активности.

Что касается социально-политической активности, то свой взлет она уже познала, в частности, в период «социалистического строительства». Изучение прежнего опыта исследованного нашими историками и социологами целесообразно для того, чтобы по возможности «воскресить свойственную ему энергию созидания» (слова доктора исторических наук, профессора А. К. Соколова). Речь идет о деятельности разных субъектов (личность, коллектив, социальная группа, общество в целом), которые пытаются усовершенствовать общие порядки жизни и действующие в нем нормы и учреждения. Можно сказать, что люди постоянно заняты какими-то исправлениями своего быта, приспособлявая его к своим нуждам, желаниям и идеалам. Поэтому реформа, затеваемая и проводимая государством, может считаться нормальной тогда, когда она есть не просто плод замысла изменить реалии, а когда она отвечает насущным, остро ощущаемым потребностям народа. Именно это обстоятельство – острая народная нужда – и было напрочь проигнорировано в 90-е годы радикал-реформаторами.

В этом заключена главная причина самого низкого уровня социальной активности в нынешней России. Народ интуитивно сомневался в том, сможет ли радикальная экономическая реформа дать положительные результаты. Многие в этой связи прямо говорили: «Мы в эту реформу не верим». Дело политиков – выступать с не ширококвещательными программами реформ, дело же исследователей – выявлять глубинные движущие силы реальной социально-политической активности. В отечественной истории сложились такие устои общественно-политической деятельности, как государственность, народность и духовность. Подрыв этих устоев в пользу западной модели никак не мог принести удачи для радикал-либералов, усилиями которых были разрушены сложившиеся социальные формы коллективистской активности людей. Следовало, видимо, не разрушать, а видоизменять в свете творческой идеи нашего будущего.

Сложившееся скорбное состояние социальной активности дополнено нравственным разложением, в котором воплотился цинизм и эгоизм первоначального накопления капитала. Русской философской мыслью еще в XIX веке было сформулировано положение о том, что уровень общественного порядка стоит в функциональной зависимости от нравственного уровня людей, его составляющих. С. Л. Франк в книге «Свет во тьме» (Париж, 1949) утверждал, что реформы только в том случае и в той мере плодотворны и ведут к добру, когда и поскольку они учитывают данный нравственный уровень людей, для которых они предназначены. Однако современные так называемые «реформаторы», осуществив попытку внедрить в российскую экономику либерально-рыночную концепцию, не посчитались с тем, что она складывалась в иной социокультурной и религиозной среде. Как известно, Макс Вебер даже дух капитализма выводил из протестантской этики. Но правители 90-х годов были склонны совсем забыть о том, что нравственное состояние людей имеет огромную силу, которая всецело определяет успех или неуспех модернизации общества.

Так что же такое нравственная активность? Ответ на этот вопрос тщетно искать в современных словарях. Научный ответ можно найти в классических трудах по русской философии права, которую справедливо именуют философией веры и нравственности. «Нравственный мир» исследовал В. Н. Чичерин. Глубокие разработки взаимных отношений нравственности и права можно найти в трудах А. А. Мушниковца, Н. М. Коркунова, В. Г. Щеглова, Е. Н. Трубецкого, П.И. Новгородцева, П. Е. Казанского, И. В. Михайловского, Л. И. Петражицкого, С. Я. Франка, А. С. Яценко и других мыслителей.

Вырабатывая современные представления о нравственной активности, можно востребовать и обновить сформулированные идеи о том, что она есть, по Франку, сущностно-нравственное внесение в жизнь

добра: означает попытку воплотить этический кодекс в жизни, или приблизить фактическую гражданственность к идеальному нравственному состоянию. Активность в сфере морали означает также «свободное внутреннее обновление людей и внутреннее осознание их общем друг за друга ответственности и их всепронизывающей солидарности» (П. И. Новгородцев). Б.Н. Чичерин видел в активности приспособление нравственного закона к условиям практической жизни, включая сюда и государство. Е. Н. Трубецкой считал, что нравственностью требуется уважение к внешней свободе ближнего: содержанием нравственности является добро или благо: солидарность людей с его ближними, единство людей в обществе есть благо, раздор и разъединение есть зло.

Если же от взгляда Е. Н. Трубецкого перейти в современность, то можно прозреть одну нравственную истину: слишком много зла внесено в российское бытие политическими партиями. Даже признавая роль последних в гражданском обществе, никак ни переоценить их проблематичного вклада в российскую гражданственность, понимаемую как устройство нормального общественного порядка. И вот необходимо прямо сказать: если бы силы какой-то партии властно применили к жизни идею сохранения российской гражданственности, то они спасли бы Российское государство от катастрофы 1914-1921 годов, и от распада страны в 1991 году, и от демографической российской катастрофы в 90-е годы. Но чего нет, того нет. Россия нуждается в восстановлении на твердом основании Нравственности и Права, в духе правовой правомерной государственности. Для действенного гражданского объединения сейчас необходимы не столько партии, сколько живые лица, в которых может сосредоточиться нравственный авторитет, воплощающий в себе надежды и чаяния народа. Партии же с точки зрения нравственной активности просто несостоятельны. Со своей стороны социальная философия может предложить такую трактовку гражданственности, которая по своей сути есть нравственная активность, энергия для напряжения воплощения человеческих идеалов жизни и исправления бытия от пороков.

В истории не бывает буквальных повторений, но изучение сделанных ошибок – это не столько академическая проблема, сколько практическая задача воскрешения отечественного духовного потенциала. В нем особенно ценны традиции нравственно-христианской активности, позволявшие стране сохранять здоровье нации. Чтобы быть движущей силой, импульсы деятельности людей должны быть связаны с идеальным началом. Владимир Святой нашел его в лице Иисуса Христа, привив Древней Руси православную веру. Этические искания святости осуществил Митрополит Киевский Илларион. В «Слове о законе и благодати» он указал на пропасть между формальным законом (тенью) и

благодатью (истиной), данной отзывчивой и просветленной душе. В многочисленных трудах уже рассмотрено религиозное измерение тысячелетней истории России, которую вело к качественному преобразению все предреволюционное развитие церковной жизни. Но этого не случилось, и, по мнению патриарха Алексия II не прошло – во многом из-за революционных событий, но также вследствие серьезных изъянов в состоянии народной религиозности». В течение почти четверти века (1917-1942 годы) Русская Православная Церковь подверглась тяжелейшим гонениям. Но перенесенные ею страдания заложили основу духовного возрождения в будущем.

В последнем десятилетии XX века совершается религиозное воскрешение нашего народа и его христианской активности. Религиозная вера – одно из характерных проявлений человеческой души, рассматриваемое теологией как ее неотъемлемое качество, благодать, даруемая Богом. В научном смысле веру можно представить как состояние личности, связанное с ее внутренним миром. Он выражается в эмоциях, образах и идеях, сопровождается чувствами, уверенностью в чем-то определенном, вдохновляющем. Вера – постоянный спутник человеческой жизни. В народном понимании существует два рода веры – ближняя и дальняя. Ближняя вера – вера в себя, в близких людей, непреходящую значимость труда и личной собственности. Вместе с возрождающейся верой сохраняется еще безверие – это нравственная пустота, презрение к исторической памяти, бездуховность, жизнь по принципу « все дозволено» . В современных условиях существуют: неверие многих воинствующих атеистов и скорбное неверие как горькое сознание фактической власти зла в мире. В России особенно много людей, которые разочаровались не только в вере в утопический коммунизм, но и вообще в нравственные идеалы и духовные ценности. Перемены в последнее десятилетие увеличили число людей, убежденных в том, что в обществе не только не гарантирована победа добра и разума, но скорее даже справедливости предопределено поражение, поскольку и у нас, и в мире по общему правилу торжествуют силы безумия, зла и греха. Более подробно рассматривать христианскую активность не входит в мое намерение, она освещена в содержательном документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви».

Основной предмет моего размышления есть путь к восстановлению гражданственности. Но чтобы уяснить эту задачу, нужно поставить тему в связь с проблемой парадоксальной активности. Льва Толстого, как известно, привлекало непротивление злу насилием. Великий мыслитель и его сторонники разрабатывали этику ненасилия, размышляли не только об активности, но и о морали «ничегонеделания». Мне представляется более злободневной идея пробуждения в нашем народе религиозно-национальных сил. В контексте парадоксов придется признать, что

движущей силой общественной гражданственности не являются ни материальные потребности, ни идеи, ни коллективизм, а сама индивидуальность субъекта, сама личность человека и гражданина во всей целостности его духовно-душевного существа. При захирей ни свободы личности хиреет и все гражданское творчество, а само государство лишается созидательных сил. Ставя во главу угла приоритет личности, С.Л. Франк, к примеру, считал, что гражданственность порождается триадой, которую составляет: свобода, солидарность, служение. Высказана и другая точка зрения: гражданственность рождается правом гражданства, или, что то же, – победой духовной, культурной и политической. Об этой победе мы должны думать денно и нощно, если желаем восстановить Россию¹.

Словно корректируя оптимистический взгляд на победу над большевистским тоталитаризмом, философ Г. П. Федоров в статье «Завтрашний день (Письма о русской культуре)», опубликованной в Париже в 1938 году, писал: «Нет, решительно нет никаких разумных человеческих оснований представлять себе первый день России « после большевиков» как розовую зарю новой свободной жизни. Утро, которое займется над Россией после кошмарной революционной ночи, будет скорее то туманное « седое утро», которое пророчил умирающий Блок». Если воспользоваться блоковским образом, то можно сказать, что туманное «седое утро» продолжается более десятилетия. В предвидении Георгия Федотова оно названо: «Утро расплаты, тоски, первых угрызений».

Тоска... Недавно от судного известного ученого в Москве мне пришлось услышать: «Люди умирают от тоски». Это скорбное высказывание подтверждается серьезными научными исследованиями, в частности, изысканиями доктора медицины и философии И.А. Гундорова, автора книги «Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления». Академик РАЕН развенчивает мифы о причинах сверхсмертности (злоупотребление алкоголем и табакокурением, биологические факторы, состояние бедности) и всесторонне раскрывает такой фактор риска, как духовное неблагополучие. Рассмотрев измерения его параметров, автор видит в них достаточный аргумент «для выдвижения гипотезы о значении духовного неблагополучия как фактора риска преждевременной смерти» и для предположения о «существовании закона духовно-демографическую детерминации»².

Эти новые соображения об ускоренном вымирании население (депопуляции) в России приобретают особо выпуклый смысл, поставленные в связь с основной религиозно-этической темой моих размышлений о гражданственности. Мы стоим перед таинственной силой растущего зла в мире и угасания борьбы с грехом, таящимся в наших сердцах. За последнее десятилетие особенно возросла сила разрушения и

смерти (в России ежегодно умирает до миллиона человек). Известны происшедшие огромные разрушения в производительных силах и в сфере нравственности и культуры. Именно поэтому задача всемерного охранения жизнедеятельности приобретает самое первостепенное значение. История России убеждает: вся она создана после духовного выздоровления народа, вся она есть одоление трудностей и опасностей силой русского нравственного характера вначале у немногих людей с восхождением к насаждению гражданственности в массе.

-
1. Г. Мейер. У истоков революции. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1971. – С. 212.
  2. Гундоров И.А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. – М.: УРСС, 2001. – С. 38.

В. П. Касаткин, д.и.н., профессор
Белгородский государственный
университет,
г. Белгород, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ РЕАЛЬНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА II

Император Александр II, прозванный в народе освободителем, по-видимому, совершенно не подозревал о своей «освободительной» миссии и своим поведением вызывал тревогу за будущее страны.¹

Первые шаги молодого императора не предвещали никаких особых перемен. Было также известно, что на заседаниях секретных комитетов, посвященных вопросам освобождения крестьян, его отец, Николай I, занимал более лояльную позицию, чем наследник, склонявшийся к идее все оставить как есть². Кроме того, сановники – либералы прошлого царствования были частью нейтрализованы.

Казалось, что Александр не видит большого резона ни в изменении положения общества, ни в развитии не только дворянской демократии, но и демократии вообще. И тем не менее в высшем свете началось пока еще до конца не осознанное волнение. Александр был воспитан в традициях просвещенного абсолютизма, основные цели которого сводились к следующему: освобождение крестьян, либерализм, веротерпимость, конституция и просвещение народа. Он снял запреты отца на посещение западных стран, ослабил цензуру, провел амнистию, вернул из ссылки декабристов, несколько улучшил положение крестьян³.